

Смерть тех из нас всех прежде ловит, кто понарошку умирал...

ПАМЯТИ СМОКТУНОВСКОГО

ОН СЫГРАЛ В ЖИЗНИ столько великих смертей: Гамлет, Иванов, Моцарт, дядя Ваня... И все же его собственная смерть застала всех врасплох.

«Я ничего не понимаю! Что они делают?» — в ужасе спрашивал старый мхатовский вахтер... На улицу выносили гроб со Смоктунувским, и огромная, парившаяся под нещадным солнцем с раннего утра толпа встретила последний выход артиста... овацией. Так, под бурю аплодисментов, гроб погрузили на машину, а затем медленно повезли мимо театра на отпевание в Неждановскую церковь.

В этот последний день у Иннокентия Михайловича все было, как всегда. В зале театра — аншлаг: поклонники актера толпились в проходах, стояли вдоль стен. Море цветов — ему щедро дарили цветы на каждом спектакле.

И только друзья и коллеги говорили в микрофон те слова, какие по нашим дурацким неписаным правилам не всегда скажешь живому человеку, который работает рядом...

Ефремов, Лавров, Этуш, Жженов потерянно жалели, что вместе со Смоктунувским, грандиозным человеком и гениальным актером, ушла целая эпоха, исчез целый мир.

А потом в тесной комнатке за сценой нервно курили и вспоминали маленькие истории из жизни большого человека. Как будто пытались не дать этому имени сразу застыть под хрестоматийным глянецом.

...Он был полон противоречий — и в характере, и в судьбе. Став великим актером в 33 года (у Смоктунувского не бывает случайных совпадений), он до князя Мышкина испытал всю горечь обвинений в непрофессионализме и самодеятельности.

«У него что-то не ладилось в Норильске, других российских театрах, его не принимал ни один театр Москвы. Все, кого я знаю, давно бы спасовали», — говорит О. Ефремов.

После серии неудач молодого актера наконец пригласил на маленький эпизод в фильме «Убийство на улице Данте» сам Михаил Ромм. Смоктунувский не мог выговорить фразу: «Я посланник такого-то...» Делали дубль за дублем — не получается. Актеры восстали: «Да пригласите другого исполнителя, вам каждый скажет это с первого раза!» На что мудрый Ромм заметил: «Не торопитесь с выводами. Через какое-то время он всех нас удивит!»

Но удивил Смоктунувский не сразу. Через полгода мучительных репетиций у Товстоногова труппа забросала режиссера петициями с просьбой снять молодого артиста с роли.

«Чудо произошло однажды, — рассказывает К. Лавров. — Я, участник массовой театра, сидел тогда в зале, хотя обычно Товстоногов на репетиции не пускал. И вдруг, в одной из сцен, заигранных до тоски, Кеша преобразился. Это был уже не он — это был Мышкин, с его необыкновенно глубоким взгля-

дом, светом доброты, который буквально, чуть не физически, заструился в зал. Он сам понял, что произошло, забыл обо всем на свете... В следующей сцене Смоктунувский должен был просто стоять в углу и слушать, как его «делят» Аглая с Настасьей Филипповной. И все эти 15 минут его молчания мы не могли оторвать от него глаз...»

С тех пор в актерских кругах любят рассказывать, что в период творческого подъема вокруг Смоктунувского распространялась какая-то необыкновенная энергия, которую, казалось, можно потрогать руками. Когда в костюме Гамлета актер во время съемок проходил по мосфильмовским коридорам, мгновенно распахивались все двери и обычно циничный киношный народ каждый день дружно вываливал, чтобы просто тихо посмотреть этот проход. «Они хотя бы погреться в его солнечных лучах», — заметил тогда Козинцев.

В какие-то минуты Смоктунувский сам чувствовал в себе присутствие Бога и не боялся об этом говорить. «Я чувствую, меня что-то ведет по жизни», — замечал он. Впрочем, тут он только вторил своему же Гамлету: «Есть, стало быть, на свете божество, устрояющее наши судьбы по-своему».

ГАМЛЕТА ОН ИГРАЛ фанатически, ни о чем другом думать в то время не мог. Как-то раз во время съемок закатился поздно вечером к К. Лаврову вместе с австрийской журналисткой, собирающейся писать о фильме. И просидел у Лаврова всю ночь, забыв про уснувшую в кресле критикессу. Рассказывал, что думал о роли. Ну, например, он предлагал снять монолог Гамлета «Быть или не быть» в сгоревшем, обугленном лесу, чтобы вокруг торчали только причудливые остовы деревьев. Потом Козинцев предпочтет все же поставить Смоктунувского в эффектное обрамление скал...

«А уже под утро он сказал мне то, что сейчас я передаю студентам на занятиях по актерскому мастерству», — рас-

сказывает К. Лавров.

— В чем смысл нашей профессии? — спросил тогда Смоктунувский. — Сразу найти ответ на свой вопрос. И иметь мужество так же сразу этот ответ отбросить. Он лежит на поверхности.

— А если ответ правильный? — Ты к нему еще придешь, но обогащенный опытом писка...

В профессии Смоктунувский был до гениальности мудр, прозорлив и не верил в быстрый успех.

В жизни он был потрясающе доверчив и до смешного наивен. Мог по-ребячи легко «купиться» на комплимент и смертельно обидеться на слово критики, хотя после вспышки тут же по-детски быстро «отходил».

О его рассеянности складывали байки. Его неумение рассказывать и слушать анекдоты само стало анекдотом: миниатюра об объяснении смысла шутки «повязка сползла» — это, по мнению коллег, про него. Зато он был великолепным рассказчиком, мгновенно перевоплощался в каждого персонажа, о котором шла речь, часто и много смеялся...

Он не умел себя вести на собраниях и торжественных мероприятиях. В самый ответственный момент мог встать и сказать что-то совсем о другом, вызывая смехи. Он жил в своем мире, который трудно пересекался с миром официальным. Как-то раз, когда еще в застойные времена телевизионщики в Ленинграде вдруг решили показать встречу Смоктунувского со зрителями «живьем», его строго предупредили: придерживайтесь только сценария, шаг вправо, шаг влево... сами знаете. Пошла запись, Смоктунувский вдруг отключился на несколько минут от вопросов — просто молча смотрел в зал. Затем спустился со сцены, взял за руку какого-то мальчика со второго ряда, увел с собой, посадил на колени и, лучезарно улыбаясь, сообщил в телекамеру: «Вот ему я все сейчас и расскажу...»

Телевизионщики были в обмороке. Но это — не единственный случай, когда мягкий, обаятельный Иннокентий Михайлович повергал людей в шок.

Он поражал партнеров на сцене мгновенным перевоплощением. «Выйди из-за кулис, глянешь ему в глаза и — мурашки по коже. Перед тобой на самом деле другой человек. У него не было зазора между образом и личностью», — говорит И. Мирошниченко.

Он мог «переиграть» даже детей и собак — случай в театре невиданный. «Он не человек!» — восклицали некоторые его недоброжелатели.

А Смоктунувский, по словам В. Андреева, как-то беседуя на отдыхе на берегу реки с друзьями об искусстве и увидев, что в омуте начинает тонуть девочка, первым бросился в реку и вытащил девочку из воды, хотя сам умел плавать кое-как...

На работе Иннокентий Михайлович был человеком некомпанийским. За кулисами держался наособицу, на актерские тусовки почти не ходил. Ему и с собой было нескучно.

Но ни до, ни после спектакля он не строил из себя гения со всеми этиками: «не подходите, я в образе». Как сказал Е. Киндинов, такой пошлости он себе не позволял. А как сосед по дому был просто великолепен: всегда улыбается, всегда приветлив, расспрашивает о домашних, о здоровье, готов помочь... Его поистине мышкинской добротой и доверчивостью часто пользовались, иногда даже нарочно «подставляя» великого артиста, чтобы хоть так к нему приблизиться.

Е. Киндинов вспомнил историю: после спектакля за кулисы к Смоктунувскому зашел молодой человек. Принялся умолять: «Меня любимая девушка считает неинтересным человеком, пустышкой. Иннокентий Михайлович, пожалуйста, сделайте одолжение, когда будете выходить, просто подойдите ко мне и скажите: «Привет, Федя!»

Растроганный Смоктунувский действительно подошел к парню, а тот в ответ на его задумчивое приветствие вдруг обернулся к девушке и с презрением заметил: «Опять этот Смоктунувский! Как он мне надоел!»

Говорят, Смоктунувский только расмеялся. Он знал себе цену и умел прощать людские слабости.

ЕГО ПОСЛЕДНИМ героем должен был стать Арбенин из лермонтовского «Маскарада» — до окончания сезона на МХАТе уже вовсю шли репетиции. Еще один страдающий, мучающийся, мятущийся человек с любящей душой...

Теперь спектакль не состоится. Но не случайно говорят: у каждого героя Смоктунувского всегда есть фраза, которая идеально подходит ему самому. Арбенин говорил:

«Жизнь — вечность,
Смерть — лишь миг...»

Смоктунувскому, этому яркому осколку солнца, уготована вечность...

Наталья БАРАБАШ.

